

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

П.П. Азбелев

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ В VII-VIII вв.

Подумай — это всего лишь маленький археологический штрих: местные жители хоронят своих мёртвых в общих могилах. А культура Боевого Топора предоставляет каждому отдельную. Это тебе что-нибудь говорит?

Пол Андерсон, «Коридоры времени».

Древние кыргызы пришли на Енисей во второй половине V в. из Центральной Азии в ходе расселения раннетюркских племён в алтайский период их истории, когда «между реками Афу и Гянь» (Абаканом и Енисеем) появилось «Владение Цигу», т.е. Кыргыз, археологически соотносимое с таштыкскими склепами [16, 50]. Кыргыз не сразу создали то государство, о котором с уважением говорят авторы древнетюркских орхонских рунических текстов и повествуют китайские летописи. В V-VI вв. источники почти ничего не сообщают о енисейских кыргызах. Во времена Первого тюркского каганата (вторая половина VI в.) они упоминаются лишь как второстепенный народ, но не как создатели самостоятельного государства. Нет данных и об учреждении на Среднем Енисее административных образований иных государств.

Из датированных известий о существовании на Енисее государственных структур самое раннее связано с историей Сирского каганата. Сиры — *сеяньто* китайских летописей [24, 36], господствовавшие в Центральной Азии с конца 620-х гг., держали у кыргызов эльтебера «для верховного надзора» [18, с.353], т.е. на Среднем Енисее было создано наместничество. По мнению Д.Г. Савинова, это «не сыграло существенной роли в истории енисейских кыргызов»¹ [37, с. 254]; но следует учесть, что именно (и лишь только) с появлением сирского эльтеберства кыргызы получили международное признание в Центральной Азии.

С 632 г. начался обмен посольствами между кыргызами и танским двором. На переговорах китайцы пропагандировали выдумку о древнем родстве правящих в Китае и на Среднем Енисее «царствующих домов», с очевидной целью обрести в северном тылу

© П.П. Азбелев, 2009

степных каганатов необременительного союзника, самим фактом своего существования осложняющего положение правителей Центральной Азии. Договоры императоров и ханов «о мире и родстве» были обычным делом, есть примеры дарования отличившимся китайцам и варварским вождям права носить императорскую фамилию Ли [43, с. 172], но в случае с кыргызами китайцы пошли куда дальше, официально признав не заслуги (их кыргызы не имели), а древнее родство династий². Возможно, именно эта генеалогическая игра вызвала жёсткую реакцию последних тюрков Восточного каганата: Чеби-хан, ушедший со своей ордой на Алтай после падения тюркской державы, в те же 630-е гг. предпринял поход против енисейских кыргызов. Следы этого набега, может быть, запечатлены находками таштыкских изделий в одной из поминальных оградок могильника Кудыргэ на Алтае³.

Строго говоря, не вполне ясно, китайский интерес к северянам побудил сиров к созданию енисейского наместничества, или же, что вероятнее, наоборот, однако связь этих событий очевидна, как и их значение для истории кыргызов. Сирский каганат просуществовал недолго, менее двадцати лет, но за это время на Енисее выросло поколение людей, привыкших к государственному управлению тюркского типа, вдохновившихся мифическим родством своих вождей с императорской династией танского Китая и оставшихся в конце 640-х гг. без «верховного надзора» сирских эльтеберов. С середины VII в. и следует отсчитывать историю самостоятельного кыргызского государства, выросшего из окраинного наместничества центральноазиатской державы.

Необычные обстоятельства возникновения государства енисейских кыргызов предопределили и своеобразие созданных им социальных структур. Ниже кратко подытожены палеосоциологические исследования в данной области, проводившиеся мною с 1980-х гг. Конечно, не все собранные здесь выводы могут быть обоснованы в равной степени подробно; но мне кажется важным свести их в систему, ясно представляющую как состояние вопроса, так и перспективы изысканий.

Всякое общество, а древнее в особенности, так или иначе воспроизводит своё внутреннее устройство в представлениях о загробном мире, воплощая эту проекцию как в системе похоронных ритуалов, так и в совокупности погребальных памятников. Даже в условиях развитой цивилизации смерть, вопреки обыденной философии, не уравнивает людей: существуют престижные и «простые» кладбища, дорогие и дешёвые погребальные одежды, гробы и памятники; в погребениях отпечатываются религиозные, этнические, даже профессиональные особенности и т.п. Для реконструкции социальной структуры населения важно учитывать как свойства самих памятников (прежде всего их типологическое разнообразие и даты), так и соотношение древних погребений.

Эта сфера культуры очень консервативна; тем показательнее происходящие в ней перемены. В V-VI вв. в Минусинской котловине археологически фиксируется сосуществование носителей раннекыргызской традиции погребения в склепах таштыкского типа с ассимилируемым населением, ранее создавшим здесь оглахтинскую культуру грунтовых могил⁴, традиции которой сохранялись в пережиточном виде и после V в. С появлением государственности кыргызская погребальная практика претерпела существенные изменения.

Некрополи енисейских кыргызов, так называемые чаатасы⁵, состоят из разнородных памятников. Основных типов два: 1) исторически более ранние (с V в.) склепы таштыкского типа («могилы с бюстовыми масками», по С.А. Теплоухову), с десятками и даже сотнями погребений; 2) появившиеся в VII в. одновременно с государственностью каменные ограды, возведённые над могилами с погребениями одного-трёх, не

более пяти человек — так называемые ограды «типа чаатас», подквадратные, округлые и шестиугольные, со стенами по периметру или без них ⁶.

Принципиально важен вопрос о хронологическом соотношении этих типов погребений. Считалось, что «чаатасы сооружены на старых кладбищах таштыкской эпохи» [40, с. 110], а между периодами сооружения склепов и оград со стенами был промежуточный «камешковский» этап [34, с. 262-264; 38, с. 152-156], т.е. один тип памятников эволюционным порядком пришёл на смену другому, и произошло это в VI в. Углублённый разбор вопроса о «переходных» памятниках продемонстрировал беспочвенность их хронологического обособления [19, с. 145; 46], а после раскопок Арбанского чаатаса выяснилось, что поздние таштыкские склепы и ранние ограды «типа чаатас» бывают синхронными [14, с. 58]. Систематизация данных о хронологии склепов [6, 7, 14, с. 66; 17, с. 121-122; 19, с. 144-146; 20, с. 119-129] показала, что часть этих памятников должна быть отнесена к VII в. С учётом известных исторических обстоятельств, уточнённых датировок памятников и сведений о дальнейшей истории некоторых таштыкских предметных типов, ныне следует ставить вопрос о ещё более долгом, в течение всего VIII в., бытовании традиции погребения в склепах. Всего вероятнее, склепы окончательно перестали строить из-за катастрофического уйгурского набега 795 г., после которого, по словам источника, на кыргызской земле «не стало живых людей» ⁷, и адекватное воспроизведение древней традиции было уже, по-видимому, невозможно [10]. Таким образом, общая хронология склепов — как минимум в пределах V-VII вв., но скорее — V-VIII вв.

Начало строительства оград «типа чаатас» раньше относили к VI в., но эта дата в литературе никогда не обосновывалась с должной подробностью ⁸. Специальное изучение вопроса об оградах чаатасов отдельно по разным ключевым признакам кыргызской культуры (конструкциям оград и декору круговых ваз) позволило заключить, что этот тип погребений не старше второй трети VII в. [3, 9].

Уточнение хронологии приводит к выводу о том, что в VII-VIII вв. на Среднем Енисее существовала двухуровневая структура населения, отразившаяся в системе похоронных ритуалов. Прежде историю общества и государства енисейских кыргызов писали без учёта данного обстоятельства, и этот пробел следует восполнить, анализируя систему основных типов археологических памятников. Материалом служат: а) различия в устройстве, инвентаре и обряде погребений; б) соотношение трудозатрат на сооружение могил разных типов; в) палеодемографические данные. Общее соотношение основных социальных стратов выясняется вполне определённо: в оградах «типа чаатас» хоронили знать, варварскую аристократию, а в склепах — рядовых общинников.

Аристократия была сравнительно немногочисленна. Редкая для археологии возможность дать обоснованные палеодемографические оценки открывается благодаря специфике чаатасов, легко поддающихся учёту. В каждом поколении общее число людей, которых полагалось после кончины хоронить в оградах «типа чаатас», не превышало двух тыс., но практически следует говорить о меньших числах [12].

В ритуальной субкультуре, прежде всего во внешних, статусных её аспектах, кыргызская знать ориентировалась на центральноазиатские стандарты, усвоенные во времена сирского эльтеберства и закрепившиеся в ходе контактов с тюрками Второго каганата. Общая культурно-политическая ориентация воплощалась в рамках местной специфики. Об этом говорят и погребально-поминальные ограды, конструктивно подражающие древнетюркским мемориальным сооружениям (юстыдского и уландрыкского типов по классификации В.Д. Кубарева), но технологически продолжающие древние минусинские традиции, и находимые в этих могилах круговые вазы — сосуды ино-

культурного типа, изготовленные по заимствованной технологии, но с декором, уходящим корнями в местную таштыкскую орнаментику (таштыкское происхождение имеют волотовые, зигзагообразные, видимо, лопастные узоры) и, может быть, использование древнетюркской рунической письменности с некоторыми специфически местными знаками⁹.

По сведениям рунических памятников и китайских хроник, кыргызская знать была очень богата — прежде всего, конечно, по сравнению с рядовым населением. Подтверждается это и археологически. В VII-VIII вв. кыргызский обычай ещё не предусматривал помещения в аристократическую могилу обильного инвентаря, но показательное соотношение трудозатрат на устройство могил: в среднем на одного погребённого в склепе приходилось в 5 раз меньше объёма каменной кладки, чем на одного захороненного под оградой «типа чаатас». Типичные для оград круговые «кыргызские вазы» были, по общему мнению исследователей, дорогими, престижными изделиями.

Кыргызская элита была этнически неоднородной, что отразилось в разнообразии ритуалов. Основные типы могил (без учёта склепов) были выделены ещё на раннем этапе изучения [29, 30, с. 10-67]. Под оградками «типа чаатас» находят могилы людей, по традиции кремнированных, а также захороненных по обряду ингумации, простому или всадническому. Большинство погребений — кремации (1-3 захоронения в центральной яме), но до трети могил под оградками содержали несожжённые останки [1, 2]. Ю.С. Худяков счёл такие погребения «кыштымскими», ссылаясь на «сопроводительный характер захоронений, бедность или полное отсутствие сопроводительного инвентаря» [57]. Но вещей чаще всего нет и в могилах с кремациями, а тезис о «сопроводительном характере» основан на материалах могил, разорённых бугровщиками, и снимается находками достоверно центральных ингумаций в хорошо сохранившихся комплексах (Арбан II, Новая Чёрная и др.).

Кем были люди, погребённые по обряду ингумации, не вполне ясно; очевидно лишь их изначально неминуемое происхождение. Есть основания (анalogии в керамике, в обряде, в устройстве могил и др.) считать, что часть из них — потомки населения, оставившего в Туве могильники Чааты I-II¹⁰. Именно «чаатинцы» принесли на Енисей такой знаковый для кыргызской культуры предметный тип, как круговые вазы, ставшие почти непременной частью сопроводительного инвентаря аристократических могил, независимо от способа погребения.

Таким образом, для кыргызской элиты социальный статус был важнее этнических различий, и эта система приоритетов была столь существенна, что закрепились в погребальных ритуалах, сохранившихся, однако, и черты своеобразия отдельных этносоциальных групп.

В склепах таштыкского типа, памятниках *рядового аборигенного населения*, такого разнообразия этнических признаков нет. В каждом склепе похоронены десятки, иногда более ста человек, среди которых, судя по вещам, были как бедные, так и зажиточные члены раннекыргызского общества, в котором ни имущественная дифференциация, ни социальные различия ещё не отразились в погребальных ритуалах. О том же говорят и встречающиеся в склепах очень крупные сосуды, слишком большие для индивидуального погребения и содержавшие, очевидно, общие для всех сопреблённых приношения¹¹.

В таштыкском обществе были и внутренние социальные группы. Это видно по многим признакам, но в каждом случае исследователь сталкивается с недостатком данных для углублённого анализа: 1) несомненны различия между отдельными погребениями внутри склепов — с «бюстовой маской», с элементами поясного набора, с votивными предметами всаднического убранства, без вещей и т.п., но распределить инвентарь по

конкретным погребениям внутри склепа сложно, так как в конце похоронного цикла склеп сжигали, и при пожаре его содержимое смешивалось; по той же причине не поддаётся анализу и система размещения погребений в склепе; 2) были разные типы склепов, сопутствующих им поминов и жертвенников, но динамика сокращения этого разнообразия на поздних этапах пока не изучена: так, не выяснено, долго ли строились так называемые «малые склепы» с погребениями ещё древней оглахтинской традиции; 3) при сравнении иконографии персонажей, представленных на таштыкских гравированных изображениях, выделяется группа с наборными поясами [15, с. 463], но в кыргызское время пояса таштыкского типа уже не употреблялись, и выяснить судьбу соответствующей социальной группы не представляется возможным. Не разработан и вопрос о локальных вариантах, нечётки признаки поздних склепов. Словом, подробные исследования здесь ещё впереди. Но ясно, что «внутриташтыкские» социальные группы не были обособлены в ритуале, а значит, склепы оставлены глубоко традиционалистским, позднеродовым обществом, ещё не имевшим объективной внутренней потребности в развитой властной иерархии.

Общих черт в субкультурах простонародья и знати, известных по материалам из склепов и оград, немного (некоторые признаки керамической посуды [47], традиционный обряд трупосожжения, отдельные предметные типы). Лишь на северной периферии кыргызского ареала в склепах встречены необычные для этих сооружений единичные погребения по обряду ингумации с оружием и вазами [44], а в целом нужно констатировать зафиксированное в материальной культуре и в системе похоронных обрядов чёткое разграничение между двумя основными социальными группами¹². О том же говорят и предварительные данные по относительной хронологии: судя по всему, ограды, как и предполагал Л.Р. Кызласов, строили на старых погребальных площадках, как бы апеллируя к древности, а вот синхронные этим оградкам поздние склепы возводились уже в иных местах. Такая форма сочетания в едином социально-культурном комплексе разных по происхождению и мировоззренческому наполнению ритуальных норм — не частое явление в древних и раннесредневековых обществах. Хронологически выявляемое социокультурное единство позднеташтыкских склепов с ранними оградками «типа чаатас» — лучшее подтверждение тому, что государственность не сформировалась в ходе развития самого таштыкского общества, а была «трансплантирована» извне (при создании сирского эльтеберства).

Одновременно на Среднем Енисее обитали иноэтничные группы, оставившие так называемые «погребения с конём». Это традиционное и неточное название погребений по обряду ингумации (или кенотафов) с жертвенным конём, шкурой коня, замещающим коня бараном или сбруей. Правильнее было бы именовать эти могилы «всадническими», акцентируя не один из видов жертвенного сопровождения, а образ жизни и специфику культуры погребённых по этому обряду людей¹³. Типологически к ним примыкают и более поздние трупосожжения с оружием, сбруйными и поясными наборами. Обычно говорят в целом о «минусинской группе погребений с конём», имея в виду их принадлежность к обширному массиву кочевнических могил древнетюркской эпохи; но здесь они иногда содержат находки местных типов и порой включены в состав чаатасов, то есть существуют в рамках локальной кыргызской культуры. С другой стороны, эта группа внутренне неоднородна, а на чаатасах и за их пределами эти могилы оказываются в разном «ритуальном контексте», так что рассматривать их можно и как отдельные виды памятников.

Исследователи по-разному определяют детальную хронологию и этнокультурную принадлежность этих погребений. Есть мнение, по которому часть их оставлена тюрк-

скими гарнизонами Второго каганата, якобы размещёнными в Минусинской котловине после зимнего похода 710-711 гг. Эти гарнизоны — домысел. Источники ни о чём подобном не сообщают, наоборот: сказано, что тюрки, разбив кыргызов, вернули страну под власть местной знати, т.е. всего лишь силой сменили хана. Об учреждении наместничества (которому, будь оно создано, и могли бы понадобиться какие-то гарнизоны), не говорят ни древнетюркские надписи, ни китайские хроники; есть лишь исследовательские допущения, а не исторические факты. Когда наместничество действительно учреждалось, источники прямо сообщают об этом — как в случае с сирским наместничеством на Енисее. Чаще же практиковалось не оставление гарнизонов на чужой земле, а наоборот, вовлечение побеждённых в армию победителей¹⁴. Нет оснований усматривать в минусинских всаднических могилах и погребения уйгурских воинов¹⁵.

В целом очевидно, что большинство минусинских всаднических могил относится уже к IX в., к следующему этапу истории кыргызов, тогда как VII-VIII вв. могут быть датированы лишь отдельные комплексы и некоторые случайные находки. Они, безусловно, заслуживают специального изучения, а здесь достаточно подчеркнуть, что ранние всаднические могилы на Среднем Енисее оставлены крайне малочисленной частью населения, которая на первом этапе истории Кыргызского государства ещё не была интегрирована в местное общество как стабильная социальная группа — иначе ей соответствовал бы устойчивый и серийный тип памятников. Показательно, что такой важный для кыргызской культуры тип, как вазы, если и представлен в этих комплексах, то чаще дешёвыми лепными имитациями.

Таким образом, социальная структура кыргызского общества VI-VIII вв., запечатлённая в погребальных памятниках, была достаточно сложной. Помимо «разграниченного сосуществования» двух основных общественных групп, в каждой из них имелось и внутреннее членение; логично предположить, что для аристократии критерием обособления подгрупп было этническое происхождение и, возможно, вера, а для рядового населения — различие социокультурных ролей и имущественный статус. Для более подробных рассуждений данных нет; систематизация материала позволяет лишь отметить некие различия, изучение которых представляется, наряду с дальнейшим уточнением хронологии (прежде всего поиском склепов VIII в.), одним из приоритетных направлений будущих изысканий.

Вместе с тем эта неизбежная ограниченность доказуемых выводов, требуя, с одной стороны, при анализе социальных структур оперировать лишь таксонами высших уровней, позволяет, с другой стороны, более чётко обозначить основную беду, даже трагедию кыргызского государства и его народа. Перенос государственной структуры власти на родовое общество и провокативное признание китайцами мифического династийного «родства» вовлекли енисейских кыргызов в чужие политические игры вокруг караванных трасс Великого Шёлкового пути. Этим были вызваны и завышенные амбиции кыргызских вождей, вынужденных поддерживать «подаренный» им китайцами державный статус — в условиях Южной Сибири, вдали от трансконтинентальных торговых маршрутов, вполне бессмысленный и даже вредный. Кыргызы оказались, в сущности, заложниками этого статуса. Центральноазиатские каганы, тюркские и затем уйгурские, в традиционном противостоянии с Китаем считали своим долгом для обеспечения безопасности северных тылов совершать набеги на кыргызское ханство во главе с якобы родичами танских императоров, и в конце VIII в. на Среднем Енисее, по уже приведённому источнику, «не стало живых людей».

Енисейские кыргызы, однако, не исчезли. Отмирание традиции склепов таштыкского типа не означало прекращения строительства оград «типа чаатас», т.е. основной

уйгурский удар, как любая карательная акция, пришёлся по простонародью, а элите кыргызского общества затронул куда меньше. Постепенно демографический урон был восполнен, но воссозданное в IX в. государство енисейских кыргызов строилось на новой этнокультурной основе, и социальная структура его населения была, соответственно, уже совершенно иной. Она запечатлелась в новой системе погребальных памятников, анализировать которую следует уже с иных методических позиций и в другой работе.

Примечания

¹ Как «не сыгравшие существенной роли» также указаны: набег Чеби-хана (см. о нём в этой статье) и покорение кыргызов-*гйегу* в 638 г. западно-тюркским Иби Дулу-ханом [18, с. 286-287]. В последнем случае енисейские кыргызы ни при чём: Дулу-хан воевал на берегах р. Или (за полторы тыс. км от Енисея), так что речь здесь может идти лишь о другой группе носителей этого названия части кыргызов-*хэгэу* из числа *гаогюйских поколений* [53, с. 239], оставшейся, как видно из этих сообщений, в Восточном Туркестане после ухода их соплеменников на Енисей во второй половине V в. Здесь есть одна сложность: в описании деяний Дулу-хана упомянуты *бома*, по летописи — северные соседи кыргызов (уже енисейских). В *Цзю Тан шу*: «[Земли] к западу от р. Или остаются во владении [кагана] Долю, а к востоку — [кагана] Делиши. Каган Долу учредил свою ставку к западу от гор Цзухэ, назвав её северной ставкой (бэйтин). Цзюеюэши, Басими, Бома, Цзегу, Хосюнь, Чушуйкунь, (надо — Чумукунь) — все государства подчинились ему»; в *Синь Тан шу*: «[Земли] к западу от реки (Или. — П.А.) остались под управлением [кагана] Дулу, а [земли] к востоку находились во владении кагана Делиши. С этого времени западные туцзюе и разделились на два государства. Каган Дулу учредил ставку к западу от гор Цзухэ, именованную северной ставкой. Государства Бома, Цзегу и многие другие подчинились ему» (цит. по: 43, с. 323, комм. 950; иероглифы опущены; кыргызы-*гйегу* = *цзегу* в совр. чтении [60]; о локализации *бома* см.: 43, с. 323-324, комм. 954). Остальные упоминаемые страны и племена локализируются в Туркестане: племя *чумукунь* кочевало по р. Эмель у Алакуля [43, с. 163, комм. 232-233], *Хосюнь* — это Хорезм, *басими* — басмылы (басмалы) — обитали в районе Бешбалыка и были союзниками токуз-огузов [43, с. 171-173, комм. 255-257]. Нужно заключить, что упоминание племени *бома* в столь выразительном историко-географическом контексте — либо ошибка, либо указание на неизвестную нам туркестанскую или восточно-казахстанскую страницу истории этого народа. Ещё сводку о *бома* и литературу см.: 33.

² Подробнее об этой дипломатической игре и о разных группах носителей названия «кыргыз» см.: 11.

³ Вещи см.: 32, с. 169. Рис. V, 7. Об этих находках: 15. О датировке могильника Кудыргэ и его возможной связи с ордой Чеби-хана см.: 7, 8, 37, с. 204.

⁴ Грунтовые могилы оглаhtинского типа рассматривались: 1) как памятники «таштыкского переходного этапа» (54, с. 49-50), 2) как синхронная склепам группа памятников [34, с. 220-225], 3) как ранние памятники таштыкской культуры [38, с. 98-115; 27, с. 94-106; 20, с. 13-75], 4) как особая археологическая культура [13].

⁵ О термине «чаатас» Л.Р. Кызласов пишет: «Чаатас означает “камень войны”. Так хакасы называют группы каменных курганов, густо обставленных высокими плитами... По народному объяснению, это камни, оторванные от скал и в беспорядке врезавшиеся в землю на местах поединков эпических древних богатырей-алыпов. Алыпы прибегали в борьбе друг с другом к такому необычному оружию потому, что, обладая сверхчеловеческой силой, они нередко руками, одетыми в волшебные рукавицы из бычьих шкур, крушили горы, легко отрывая от них целые скалы и плиты» [40, с. 108]. Это, конечно, сказка; реальная этимология вряд ли столь поэтична, но пока не выяснена. Без авторитетных заключений лингвистов можно лишь

гадать, возводимо ли слово «чаатас» к хак. *чаа*, война, или же к *чат-*, лечь, или к *чаачах*, лук [55, с. 304, 313-314], т.е. «упавший камень», «лук-камень», «кривой камень», что соответствует внешнему своеобразию чаатасов с установленными крайне небрежно и потому покосившимися, кривыми каменными стелами — в отличие от более древних могильников тагарской (минусинской курганной) культуры, где стелы врыты глубже и забутованы тщательнее, а потому и стоят до сих пор, как правило, вертикально.

⁶ Об устройстве, приёмах раскопок и реконструкции оград см.: 3, 31. Методологическая основа этих работ — принципы, изложенные М.П. Грязновым [26].

⁷ «Вначале (было) Гяньгуньское государство, (считавшее) 100 с лишком тысяч натягивающих луки (т.е. носящих оружие). Оно (восстало и проч.?). (но Кэхань был?) умный, мужественный, чудесно-воинственный; (ему стоило только) раз выстрелить, как и попало. Гяньгуньский Кэхань пал, в соответствие тетивы (под ударом его стрелы); коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами; государственные дела (Гяньгуньского владения) прекратились; на земле не (стало) живых людей» [22, с. 25]. Вокруг этой цитаты в литературе есть некоторая путаница. Обычно её связывают с походом 795 г. кагана Кутлуга (правил в 795-805 гг.) [25, с. 346; 28, с. 415], но иногда — с войнами кагана Бао-и (правил в 808-821 гг.) [39, с. 93]. Во втором случае не различают вероятную дачу самой надписи и время описываемых в ней событий.

⁸ История этой ошибки такова. Л.А. Евтюхова указала вещам с Копёнского чаатаса серию европейских аналогий VII-VIII вв. (по хронологии 1940-х гг.), но С.В. Киселёв, обширно цитируя книгу Евтюховой, без пояснений исправлял «VII-VIII вв.» на «VI-VIII вв.». Так нижней датой чаатасов и «оказался» VI в. Время «камешковских» памятников С.В. Киселёв определял некорректно — не по *наличию* датирующих обстоятельств, а лишь *по отсутствию* в этих комплексах материалов с кудыргинскими аналогиями. Затем Л.Р. Кызласов в 1960 г. датировал «переходные камешковские» памятники с опорой на VI в. как якобы уже известную нижнюю дату чаатасов, а в 1981 г. — наоборот, привязал нижнюю дату чаатасов к хронологии «камешковского этапа», т.е. «закольцевал» датировки. Единственным независимым обоснованием хронологии «камешковского этапа» для Л.Р. Кызласова стал обломок трёхпёртого черешкового наконечника стрелы, по мнению этого автора, «эпохи переселения народов», но на деле относящийся к типу, не имеющему твёрдой верхней даты [30, 34, 38 (изображение упомянутого наконечника см. там в Табл. IV, 193), 41]. Других обоснований для отнесения ранних чаатасов к VI в. в литературе нет, но эту дату и соответствующие таштыкские датировки, не проверяя, тиражируют по сей день, — не исходя, как заметил Д.Г. Савинов, «из анализа археологического материала, а основываясь на общей оценке исторической ситуации, а именно — образования в середине VI в. Первого тюркского каганата, ознаменовавшего начало эпохи раннего средневековья. “Издержки” такого формационного подхода очевидны. Образование Первого тюркского каганата в Центральной Азии отнюдь не означало гибели таштыкской культуры на Енисее...» [52, с. 186].

⁹ Особое значение этим специфическим знакам придавал С.В. Киселёв, усмотревший в них проявления «оригинальных черт, характерных для отважного и свободолюбивого народа енисейских долин» [34, с.347]. Впрочем, соотносимость среднеенисейской руники именно с населением, хоронившим под оградями чаатасов VII-VIII вв., ещё не может быть установлена по археологическим фактам и, по сути, является допущением — есть лишь единичные и обособленные эпиграфические памятники VIII в. [35]. Вещи с руникой (прежде всего торевтика), достоверно связанные с конкретными погребениями, появляются на чаатасах позже.

¹⁰ Подробно о чаатинско-чаатасовских параллелях см.: 9, с. 102-154. Нужно заметить, что «чаатинцы» и в Туве были пришлой группой, происходящей, видимо, из Восточного Туркестана и, может быть, генетически связанной с народом *юэбань* [4]. Д.Г. Савинов пишет, будто я в статье 1991 г. «повторил вывод» О.Б. Варламова о датировке чаатинских могильников I-V вв. [51, с. 45]. Здесь какое-то недоразумение: я датировал Чааты I-II *второй четвертью VII в.* на основании развёрнутой системы аргументов [4, с. 65], а О.Б. Варламов — *первой половиной I тыс. н.э.*, и лишь по общему сходству чаатинских катакомб с позднесарматскими [21].

¹¹ Почти в каждом склепе есть два-три сосуда объёмом 20 л и более, при том что прочие сосуды, соотносимые с отдельными погребениями, обычно не более чем по 3-4 л [23, с. 248-256. особенно рис. 30 на с. 251]. В юго-восточном углу склепа Арбанского чаатаса особняком стояли сосуды, вмещавшие по 40-60 л и не соотносившиеся ни с одной кучкой пепла. Наличие таких «общих» сосудов не всегда очевидно, поскольку крупная керамика фрагментируется сильнее, чем мелкая. Соответствующие обломки, однако, легко опознать по большей толщине, по диаметру и обычно ещё по грубому глиняному тесту с крупной дресвой. Для сравнения: объём сосудов из поминов, устроенных при склепах и относящихся, судя по их количеству, не ко всем сопогребённым сразу, а к отдельным усопшим, не более 16 л, а в основном — до 10 л [48, с. 111. Табл. 2].

¹² В связи с вопросом о соотношении таштыкских и киргизских типов нужно упомянуть ещё находки «амулетов» и маски под оградами Абаканского чаатаса [42]. Раскопщики сочли эти находки признаками преемственности между таштыкскими и киргизскими типами погребений, а содержавшие их ограды ранними; но описанные в публикации ограды, судя по упоминанию пристроек, похоже, как раз поздние, и тогда вероятнее, что здесь перед нами не эволюция типов могил, а смешение ритуалов, относящееся уже не ранее чем к концу VIII — началу IX вв.

¹³ Первую аналитическую сводку сделал С.П. Нестеров [45]. Автор предложил их группировку (на основе формализованного описания конструкции могил и обряда погребений) и узкие даты групп (через соотношения с известными историческими событиями) — но без учёта различий в инвентаре и соотношения с могилами иных типов. Ещё сводки и обзоры: 56; 49, с. 63-64; 58; 37, с. 231-234.

¹⁴ Так, завоевания тюрков Первого каганата велись, по словам хрониста, силами племён *теле*. Есть косвенные данные, позволяющие предполагать, что и киргизы в начале VIII в. иногда служили у тюрков — это необычные погребения по обряду кремации в ямках-«ячейках» в Хачы-Хову в Туве [5]. Моё определение этих могил как захоронений киргизских дружинников, состоявших на службе во Втором каганате, отверг Д.Г. Савинов [37, с. 199]. По-видимому, следует в будущем вернуться к углублённой проработке и аргументации данного вопроса.

¹⁵ «Вероятнее всего, это уйгуры, ... дважды в ходе войн 758 и 795 гг. нанёсшие жестокие поражения киргизам в пределах Минусинской котловины» [59, с. 140]. Такое предположение противоречит известным фактам. После первого набега на киргизов (758 г.) уйгуры ограничились снижением формального статуса киргизских правителей, после другого (795 г.) — на Среднем Енисее «не стало живых людей», но вот о каких-либо «гарнизонах» или оставленных отрядах не говорится нигде. Если бы уйгурское присутствие в Минусинской котловине было реальностью, то о состоявшемся в IX в. возрождении киргизского государства не было бы и речи.

Литература

1. *Азбелев П.П.* Значение архивных материалов для изучения культуры енисейских киргизов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989. С. 131-133.
2. *Азбелев П.П.* Ингумации в минусинских чаатасах: К реконструкции социальных отношений по археологическим данным // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С. 154-156.
3. *Азбелев П.П.* Конструкции оград минусинских чаатасов как источник по истории енисейских киргизов // Памятники киргизской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 5-23.
4. *Азбелев П.П.* К исследованию культуры могильников Чааты I-II // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 61-68.

5. *Азбелев П.П.* Хронология нетипичных памятников Саяно-Алтая эпохи раннего средневековья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 160-162.
6. *Азбелев П.П.* Типогенез характерных таштыкских пряжек // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. В 2 т. Красноярск, 1992. Т. II. С. 48-52.
7. *Азбелев П.П.* Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // Петербургский археологический вестник. Вып. 3. СПб., 1993. С. 89-93.
8. *Азбелев П.П.* К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000. С. 4-6.
9. *Азбелев П.П.* Раннесредневековые центральноазиатские вазы: декор и контекст // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб., 2007. С. 145-157.
10. *Азбелев П.П.* О верхней дате традиции таштыкских склепов // Алтае-Саянская горная страна и история освоения её кочевниками. Барнаул, 2007. С. 33-36.
11. *Азбелев П.П.* Кыргызы и Китай: о пределах доверия к летописям // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. В 2-х т. Горно-Алтайск, 2007. Т. I. С. 7-10.
12. *Азбелев П.П.* О численности аристократии в государстве енисейских кыргызов // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. Тюмень, 2007. С. 166-168.
13. *Азбелев П.П.* Оглахтинская культура // Вестник СПбГУ. Сер. 6, 2007. Вып. 4. С. 381-388.
14. *Азбелев П.П.* Стремена и склепы таштыкской культуры // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008. О. 56-68.
15. *Азбелев П.П.* Таштыкские крестовидные распределители ремней // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. СПб. 2008. С. 122-127.
16. *Азбелев П.П.* Первые кыргызы на Енисее // Вестник СПбГУ. Сер. 12, 2008. Вып. 4. С. 461-469.
17. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. №3. Ч. II. С. 106-134.
18. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.;Л., 1950. Т. I.
19. *Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 180 с.
20. *Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 440 с.
21. *Варламов О.Б.* О датировке «уйгурских» погребений Тувы // Проблемы археологии степной Евразии: тез. докладов. Кемерово: 1987. Ч. II. С. 181-183.
22. *Васильев В.П.* Китайские надписи в орхонских памятниках в Кошоцайдаме и Карабалгасуне // Сб. трудов Орхонской Экспедиции. СПб.. 1897. Т. III. С. 1-36. Табл.3.
23. *Виноградов А.В.* Этюд о таштыкской керамике // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 248-256.
24. *Войтов В.Е.* Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 92-109.
25. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926. Т. 2. 900 с.
26. *Грязнов М.П.* Курган как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвящённых итогам полевых исследований в 1961 г. М., 1961.
27. *Грязнов М.П.* Миниатюры таштыкской культуры: Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. // Археолог. Сб. Государственного Эрмитажа. Л., 1971. Вып. 13. С. 94-106.
28. *Гумилёв Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967. 504 с.
29. *Евтюхова Л.А.* К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее // Труды ГИМ. М., 1938. Вып. 11. С. 111-122.
30. *Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 109 с.

31. *Зяблин Л.П.* Архитектура курганов чаатаса Гришкин Лог // Новое в советской археологии: Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1965. № 130.
32. *Илюшин А.М.* Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 157-169.
33. *Илюшин А.М.* Загадочная страна «Бома» раннего средневековья (по письменным и археологическим источникам) // Древности Алтая: Известия Лаборатории археологии [ГАГУ]. Горно-Алтайск, 2003. № 11.
34. *Киселёв С.В.* Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1949. № 9. 364 с.
35. *Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера: к датировке енисейских рунических памятников // *Tücológica: К семидесятилетию академика А.Н. Кононова.* Л., 1976. С. 258-267.
36. *Кляшторный С.Г.* Кипчаки в рунических памятниках // *Tücológica: К восьмидесятилетию акад. А.Н. Кононова.* Л., 1986. С. 153-164.
37. *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.
38. *Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. 198 с.
39. *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969. 212 с.
40. *Кызласов Л.Р.* Чаатасы Хакасии // *Вопр. археологии Хакасии.* Абакан, 1980. С. 108-114.
41. *Кызласов Л.Р.* Древнехакасская культура чаатас VI-IX вв. // *Степи Евразии в эпоху средневековья.* Серия: «Археология СССР». М., 1981. С.46-52.
42. *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новые материалы о происхождении культуры чаатас // *Археологические открытия 1983 г.* М., 1985. С. 219-220.
43. *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск, 1989. 432 с.
44. *Мартынова Г.С.* Погребения с «кыргызскими» вазами в курганах Михайловского могильника // *Известия Лаборатории археологических исследований.* Кемерово, 1976. Вып. 7. С. 68-80.
45. *Нестеров С.П.* Таксономический анализ минусинской группы погребений с конём // *Проблемы реконструкций в археологии.* Новосибирск, 1985. С. 111-121.
46. *Панкова С.В.* О памятниках «камешковского» этапа таштыкской культуры // *Курган: историко-культурные исследования и реконструкции.* СПб., 1996. С. 41-43.
47. *Панкова С.В.* О соотношении таштыкской и кыргызской керамических традиций // *V исторические чтения памяти М.П. Грязнова.* Омск. 2000. С. 96-97.
48. *Поселянин А.И.* Керамический комплекс таштыкского поминальника Белый Яр III на юге Хакасии // *Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края.* Новосибирск, 2007. С. 89-125.
49. *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 174 с.
50. *Савинов Д.Г.* Владение Цигу древнетюркских генеалогических преданий и таштыкская культура // *Историко-культурные связи народов Южной Сибири.* Абакан, 1988. С. 64-74.
51. *Савинов Д. Г.* Потомки козельцев на страже уйгурских городищ // *Археология Южной Сибири.* Кемерово, 2006. Вып. 24. С. 44-50.
52. *Савинов Д.Г.* Ранние тюрки на Енисее: археологический аспект // *Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Проблемы интерпретации и реконструкции.* Томск, 2008. С. 185-190.
53. *Супруненко Г.П.* Некоторые источники по истории древних кыргызов // *История и культура Китая: сб. памяти акад. В.П. Васильева.* М., 1974. С. 236-248.
54. *Теплоухов С.А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (В кратком изложении) // *Материалы по этнографии.* Л., 1929. Т. IV, Вып. 2. С. 41-62.
55. *Хакасско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова.* М., 1953. 358 с.

56. Худяков Ю.С. Кёк-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 194-206.
57. Худяков Ю.С. Погребения по обряду труположения VI-XIV вв. в Минусинской котловине // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Л., 1983. Вып. II. С. 141-148.
58. Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. 152 с.
59. Худяков Ю.С., Нестеров С.П. Группа погребений Ник-Хая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 131-142.
60. Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // Советская этнография. 1970. № 2. С. 110-120.